

Сяо Лян, видя, как Цзи Лань буквально задыхается от его слов, невольно усмехнулся, но затем вновь погрузился. Спустя время произнёс:

— Сегодня ко мне приходил второй брат. Думал, смогу простить, что использовал меня, но оказалось — не столь великодушен. А он, в свою очередь, не так-то легко поверил, что смерть Коу Чаомина была случайностью. Уходя, он обменялся с Юнь Чжао яростным ударом ладоней. Я не ведаю боевых искусств, но убийственную волю почувствовал. Выйдет день — стану поперёк дороги второму брату, и он меня уничтожит. Пожалуй, не только он — и пятый брат, наверное, так же поступит. Глядишь — и кровные узы ничего не стоят. Все, кто был мне дорог, ушли. К чему тогда цепляться?

— Ваше высочество, у вас ещё есть император. Юнь Чжао — всего лишь телохранитель, разве может сравниться с вами? Слышал, вы с детства близки с князем Чжао, даже ближе, чем с князем Вэй. Неужто из-за Коу Чаомина стали так отдаляться? Может, вы просто слишком много думаете? Лучше не терзать себя понапрасну.

— Цзинбо прав, я и вправду слишком много думаю.

— Я не это имел в виду, — Цзи Лань снова оказался в тупике. Будь на дворе не зима, он бы уже вспотел.

— Цзинбо, ступай. Не задерживайся в Павильоне Спящего Феникса подолгу. Слышал, наложница Шу Цзи недовольна, что ты учишь меня боевым искусствам. Задержишься — могут быть проблемы.

Цзи Лань, только что прибывший во дворец, ещё не успел явиться в Дворец Хранения Изящества, чтобы выразить почтение наложнице Шу Цзи. Знал — выговор неизбежен. Понимая, что Сяо Лян, несмотря на юные годы, проницателен, поклонился на прощание:

— Откланиваюсь, ваше высочество. Прошу, берегите себя.

Сяо Лян кивнул и умолк. Поглядел, как Цзи Лань уходит, затем кликнул евнуха Линя:

— Эти деньги — награда семье евнуха Сюя. Устрой, чтобы получили.

— Докладываю вашему высочеству, евнух Сюй заранее предвидел, что вы окажете такую милость, и велел мне благодарить. Также сказал — в родном Хэфэе никого не осталось, и награждать некого.

— Понял. Ступай. Похоронами евнуха Сюя займись.

В управлении евнухов евнух Линь ожидал подвоха, но все встретили его учтиво. Обычно умерших во дворце евнухов сбрасывали в общие могилы, и лишь те, кто служил высокопоставленным особам, удостоивались гроба и погребения. Хотя евнух Сюй служил наложнице Хуэй, ныне Сяо Лян был в немилости — странно, что никто не воспользовался случаем, чтобы насолить. Подумав, евнух Линь решил: вероятно, дело в том, что Сяо Лян недавно казнил слуг третьего принца, и теперь никто не смеет проявлять непочтительность.

Всё же, полностью не успокоившись, он сунул три лян серебра двум молодым евнухам, что должны были вынести тело. Но те вернули деньги:

— Евнух Чжан уже дал нам на чай. Больше не надо.

Евнух Линь крайне удивился: с чего бы главному евнуху помогать с похоронами? При его участии всё, конечно, устроится должным образом, и евнух Линь успокоился. Евнух Сюй когда-то говорил, что они с евнухом Чжаном земляки, но евнух Линь знал: евнух Чжан — из Сучжоу, до Хэфэя далеко. Никак не сходится. Размышлял он, размышлял, но, учитывая подавленное состояние Сяо Ляна, решил мелочь эту не тревожить. Промолчал.

Сяо Чэн, выйдя из дворца, направился напрямик в Дом генерала. Вспомнил, как Цинь Синь высказывал недовольство его княжеским статусом, не желая общаться. Теперь, когда тот оказался под защитой генеральского дома, наверняка не в восторге. Сяо Чэн заинтересовался: кто же мог так его ранить? Дело явно не простое. Он понимал: Дом генерала — не самое безопасное место, и если его обнаружат, репутация Гу Цинмо пострадает.

Цинь Синь, очнувшись в полуразрушенном храме, обнаружил себя в Доме генерала. Узнал, что его доставили туда благодаря жетону из Дома князя Чжао, а поскольку князь Чжао в тюрьме, домой его отправить не смогли. Цинь Синь понимал: в его состоянии уйти — верная смерть, и остался зализывать раны. Думал убраться, как только поправится.

Гу Чжао отсутствовал, и, поскольку Гу Цзинхуа из Дома князя Чжао распорядилась хорошо принять гостя, Цинь Синь вольготно себя чувствовал. Прослышав, что в глубине сада обитает вторая дочь генерала, он туда не совался. Дни напролёт сидел в садовой беседке, уставившись в пустоту, вспоминая былое с Шэнь Линцзяо — и сердце сжималось от тоски. Внезапно донёсся звук цитры, полный скорби и жалобы. Отозвавшись в душе, он подхватил мелодию, пустившись в танец с мечом.

Сяо Чэн, войдя в сад, увидел сие действо и, не желая прерывать, велел свите удалиться. Цинь Синь, заметив его, сделал вид, что не видит, и продолжил плясать с клинком. Но музыка внезапно оборвалась, и ему пришлось остановиться.

Цинь Синь, не поклонившись, произнёс:

— Князь Чжао, твоей милости благодарен.

Затем приставил меч к шее Сяо Чэна и резко спросил:

— Говори, это ты продержал меня несколько дней в заточении, чтобы выпустить как раз в день их возвращения, дабы я стал твоим палачом?

Он смекнул: тот, кто его держал, всё рассчитал — патрули столицы не заметили их схватки. А после ранения его доставили напрямик в Дом князя Чжао. Слишком уж удобное совпадение — похоже, князь Чжао подстроил всё, чтобы прибрать его к рукам.

Сяо Чэн, не моргнув глазом, ответил:

— Если бы я хотел тебя использовать, стал бы спасать? Убил бы и дело с концом.

Цинь Синь сказал:

— Во всём дворе лишь ты и князь Ци — непримиримые враги. Князь Юэ — его союзник, у тебя есть мотив убить его. К тому же, лишь ты мог отозвать патрули. После того как я тебя спас, ты частенько присылал людей разузнать обо мне. Наверняка выведал всё про меня и госпожу Шэнь. Мне не удалось убить Сяо Цяня, но я погубил Линцзяо — теперь семья Шэнь не станет

поддерживать Сяо Цяня. Неужто не в твоей выгоде? Увидел моё мастерство — решил оставить для своих целей?

— Ха-ха-ха... — Сяо Чэн разразился громким смехом. — Я и не знал, что именно ты пытался убить князя Юэ, а ты сам во всём признаётся.

— Смеёшься перед лицом смерти? — гневно прошипел Цинь Синь.

Едва слова слетели с его губ, как он почувствовал за спиной ледяной убойный холод. Резко развернулся, чтобы парировать, но в мгновение ока меч был выбит из его рук, и теперь уже лезвие прижалось к его собственному горлу.

Цинь Синь остолбенел — не ожидал, что его одолеет женщина, да ещё в одно движение. Гу Цинмо, не удостоив его взглядом, спросила:

— Тебя спас человек в маске. Знаешь, каким стилем фехтования он владеет?

Цинь Синь ответил:

— Нет. Но чем-то похож на мой.

— Хм, жалкое подобие, а ты ещё похваляешься.

Сказав это, Гу Цинмо развернулась и ушла, не поклонившись стоящему рядом Сяо Чэну. Сяо Чэн протянул меч Цинь Синю:

— Цинь-гунцзы, я и вправду не ведаю, кто тебя держал. Но история твоя странная. Раз ты меня подозреваешь — что ж, ничего не поделаешь. Отпускаю тебя. Убирайся из столицы и не возвращайся.

— Милость князя Чжао признателен, — сказал Цинь Синь. — Но человек в маске связан с тем, кого я ищу. Должен его найти, даже если придётся обыскать все моря.

— Да? Расскажи ещё раз подробно, как тебя спас человек в маске, — велел Сяо Чэн.

Цинь Синь детально пересказал события той ночи. Сяо Чэн, дослушав до половины, вдруг перебил:

— Ты сказал, он был ранен в бок?

— Так точно, — подтвердил Цинь Синь.

— Ростом и сложением похож на тебя?

— Откуда вы знаете? — Цинь Синь, видя, что Сяо Чэн и вправду не замешан в заговоре, стал почтительнее.